ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ ЗАПАХЕ

ИИ
Александр Лунарский

Александр Лунарский

Дело о пропавшем запахе

«Автор»
2026

Лунарский А.

Дело о пропавшем запахе / А. Лунарский — «Автор», 2026

Что, если город однажды перестанет пахнуть кофе, хлебом и дождём? Частный детектив Марк Ветров первым замечает невозможное: привычный мир лишился невидимого языка. Исчезновение ароматов захватывает улицы, и расследование ведёт Марка от карты странных случаев и проекта «Чистый город» к прошлому, которое он старательно избегал.Чтобы раскрыть дело, мало верить впечатлениям: нужно проверять факты, слушать свидетелей, сверять память и отличать понимание от оправдания. Но главная улика может оказаться той, от которой детектив бежал годами.Атмосферный детектив о памяти, ответственности и восстановлении. Для читателей, которым близки загадки с человеческой глубиной и истории, возвращающие внимание к привычному миру и к себе.Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image, лицензия.

© Лунарский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Город без запаха 6
Дело, которого не должно было быть 11
Запах дома, которого детектив избегал 16
Карта исчезающих ароматов 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Александр Лунарский
Дело о пропавшем запахе

Дело о пропавшем запахе
Александр Лунарский

Город без запаха

В шесть сорок две Марк Ветров поставил кофейник на плиту и понял, что утро началось неправильно.

Он понял это не по звуку — вода зашумела как обычно, газ щёлкнул, огонёк вспыхнул ровным синим язычком. Не по свету: за окном серело, мокрый асфальт отражал окна соседнего дома. Ошибка обнаружилась в том, чего не было.

Кофе не пах.

Марк наклонился над кружкой. Поднял её, вдохнул глубже. Ничего. Ни горького тепла, ни жжёных зёрен, ни знакомого густого аромата, который обычно собирал его мысли в одну линию. Только горячая жидкость, тёмная и гладкая на вид.

Он поставил кружку и открыл окно.

Город встретил его движением. Внизу автобус выпустил облако выхлопа, мусоровоз сжал металлическими клешнями бак, дворник провёл щёткой по тротуару. На противоположной стороне улицы пекарь вынес из булочной поднос с хлебом. Марк знал: в это время оттуда тянуло дрожжами, тёплой коркой и чуть сладковатым паром. Он много раз проходил мимо, не замедляя шага, и всё равно узнавал булочную раньше, чем видел вывеску.

Сегодня на подносе лежало свежее хлебное золото. Город двигался, как всегда. Но воздух казался пустым.

Марк закрыл окно.

В мусорном ведре под раковиной лежала вчерашняя рыбья упаковка. Он поднял крышку и наклонился. Ничего. Не отшатнулся, не поморщился. Даже лёгкого намёка на кислый запах не было. Он опустил крышку, потом снова открыл, будто проверял не ведро, а собственную способность замечать.

Три проверки. Кофе. Улица. Мусор.

На четвёртую он не стал идти: в ванной стоял флакон одеколона, который оставил отец. Марк не пользовался им много лет. Бутылка хранилась на полке из упрямства, хотя сам он называл это практичностью. Он снял колпачок и поднёс стекло к носу.

Пусто.

Внутри него что-то едва заметно напряглось. Не страх, ещё нет. Скорее та пауза, которая возникает перед тем, как привычный порядок вещей даёт трещину.

Он поставил флакон на место, вытер руки полотенцем и посмотрел на часы. Шесть пятьдесят одна. До первой встречи оставалось больше часа. Встречи, впрочем, пока не было: клиент обещал перезвонить насчёт пропавшего портфеля, но обещал ещё вчера.

Марк работал частным детективом уже девять лет. Он умел находить то, что люди прятали в разговорах, платежах и маршрутах. Знал, как отличить случайность от повторяющейся привычки. Умел ждать, не подавая виду, что ждёт. О собственных чувствах предпочитал думать как о погоде: явление есть, но оно не обязано влиять на решение.

Исчезновение запахов он сначала попытался отнести к тому же разряду, что и плохой сон. Ошибка восприятия. Усталость. Что-нибудь, чему не следует придавать значения до тех пор, пока не появится подтверждение.

Затем он вспомнил, что сегодня проснулся раньше будильника. И что воздух в комнате показался ему странно гладким ещё до кофе.

Марк достал из ящика блокнот. На первой странице сегодняшнего дня записал: «6:42. Кофе не пахнет». Ниже добавил: «6:47. Одеколон отца не пахнет». Он остановился с ручкой над бумагой, будто ожидал, что слова сами подскажут объяснение. Не подсказали.

Потом закрыл глаза.

Он сделал это не ради драматического эффекта. Так было проще убрать из внимания плиту, окно, белую чашку и всё остальное, что убеждало его: мир на месте. Он попытался восстановить кухню по памяти, полагаясь на то, что обычно не замечал.

Утренний кофе. Металл кофейника, нагретый на огне. Хлебная корка, если он успевал заглянуть в булочную. Мыло с цитрусовым запахом у раковины. Пыль, когда включался обогреватель. Лук, который он нарезал накануне и оставил в закрытом контейнере. Даже запах дождя, проникающий из приоткрытого окна.

Он сумел вспомнить каждый. И ни один не смог почувствовать.

Это различие было важным. Память сохранилась, исчезло настоящее. Марк открыл глаза и записал:

«Ожидал: кофе — горький, тёплый. Чувство: готовность к дню, привычная опора».

«Ожидал: мусор — кислый, неприятный. Чувство: желание отодвинуться, обычное раздражение».

«Ожидал: хлеб — дрожжи и корка. Чувство: голод, любопытство».

Он посмотрел на последнюю строку. Голод не появился. Только мысль о хлебе. Даже аппетит оказался связан не с самой буханкой, а с обещанием, которое она обычно несла.

Внизу хлопнула дверь подъезда. Марк надел куртку, сунул блокнот во внутренний карман и вышел.

На лестничной площадке его соседка, Алла Сергеевна, стояла у почтовых ящиков с пакетом в руках. Она всегда носила с собой маленькую сумку на колёсиках, даже если собиралась только до ближайшего магазина. От неё обычно пахло лавандовым мылом и свежей шерстью — она вязала внуку свитера и часто сушила пряжу на балконе.

— Марк, вы не знаете, что с булочной? — спросила она.

— Что именно?

— Хлеб какой-то сегодня не такой.

Она сказала это с упрёком, будто пекарь нарушил личное обещание. Марк не сразу ответил.

— Вкус?

— Да нет, я ещё не пробовала. Просто из печи вынесли, а от них ничего. Совсем. Я остановилась у двери и подумала, что, может, нос заложило. Но дома тоже пусто. Даже моя мята на подоконнике.

Марк достал блокнот.

— Во сколько вы вышли?

— Без десяти семь. Может, в семь ровно. Я за хлебом пошла.

— Другие запахи проверяли?

Алла Сергеевна посмотрела на него внимательнее.

— Вы сейчас серьёзно?

— Да.

— Ну, кофе у вас пахнет?

— Нет.

Она кивнула, как будто это подтверждало то, в чём она пока не решалась себе признаться.

— А мусор во дворе?

— Тоже нет.

Алла Сергеевна нахмурилась. Её беспокоило не само отсутствие запахов, а то, что кто-то заговорил о нём спокойно и без попытки сразу всё объяснить.

— Вы думаете, это у всех?

— Пока я думаю, что у нас обоих есть основания задать этот вопрос.

Она помолчала, потом протянула ему пакет. Внутри лежали две булки, ещё тёплые. Марк наклонился и вдохнул. Ничего. Алла Сергеевна смотрела на него, ожидая ответа.

— Хлеб выглядит свежим, — сказал он.

— Вот именно. Выглядит.

На улице его встретил обычный будний шум. Люди шли к метро, придерживая воротники от ветра. Такси ползло вдоль тротуара. У остановки мальчик жевал булочку, но не торопился; рядом мать поправляла ему шарф и смотрела в экран телефона. У цветочного киоска продавщица выставляла в вёдра тюльпаны. Их яркие головки казались почти вызывающими на фоне серого утра. Марк поймал себя на том, что ждёт от них запаха раньше, чем подходит ближе.

Цветы молчали.

Он остановился у булочной. Через стекло было видно, как пекарь выкладывает на прилавок хлеб. На секунду Марк представил, что дверь открывается и воздух наполняется знакомым ароматом. Представил так ясно, что почти почувствовал тепло на лице. Почти — не считалось.

— Вы тоже? — спросил кто-то рядом.

Марк обернулся. Мужчина лет тридцати пяти, в деловом пальто, держал бумажный пакет. Он говорил тихо, но не от смущения. Скорее так говорят люди, которые хотят услышать подтверждение, прежде чем начнут бояться.

— Тоже что?

— Не чувствуете хлеб? Я думал, со мной что-то не так.

— Когда вы заметили?

— У булочной. Минут десять назад. Дома жена сказала, что не чувствует кофе. Я решил, что мы оба простыли, но она нормально дышит.

Марк не стал говорить, что это ничего не доказывает. Не стал и обещать, что всё объясняется простудой. Вместо этого записал: «Остановка у булочной. Примерно 7:04. Мужчина, жена. Нет запаха хлеба и кофе».

Факты были небольшими. Две квартиры, один подъезд, булочная, улица. Но они уже не совпадали с версией о личной случайности.

Он пошёл к метро, наблюдая за людьми. У входа стоял дворник с метлой. Он сгребал мокрые листья, и Марк подошёл к нему.

— Вы сегодня улицу уже убирали?

— С пяти утра, — ответил дворник.

— Запахи обычные?

Тот прищурился.

— Какие запахи?

— Дождь. Выхлопы. Мусор.

Дворник провёл рукавом по носу.

— Да вроде нет. Вон мусорка полная, а не тянет. Я ещё подумал, что управляющая компания наконец-то вывезла всё вовремя.

— А выхлопы?

— Машин меньше стало, что ли?

Он пожал плечами и вернулся к работе. Марк записал время разговора и место. Вопросы не должны были вести собеседника к ответу. Если спрашивать слишком настойчиво, человек начинал подстраиваться под чужую тревогу. Марк это знал по опыту: люди часто принимали внушённое за воспоминание, а совпадение — за улику.

Он достал телефон. За ночь в городских новостных каналах появилось несколько коротких сообщений, которые легко было пропустить среди жалоб на погоду и транспорт. «Кто-нибудь чувствует кофе? Дома пахло, а утром как будто выключили». «У меня пропал запах духов, думала, флакон пустой». «На рынке ничего не пахнет, даже рыба». Ответы были разными. Кто-то смеялся, кто-то советовал проветрить, кто-то сообщал, что у него всё как обычно.

Марк сохранил сообщения и отметил время публикаций. Первые были около шести сорока. Большинство — из центральных кварталов и района у реки. Один пост пришёл с окраины, но автор не указал точный адрес.

Он вернулся домой в семь двадцать. Поставил на стол два предмета: лимон из холодильника и флакон одеколона. Сначала вдохнул лимонную кожуру, потом потер её ногтем, чтобы выступило масло. Должен был появиться резкий, свежий запах. Не появился. Одеколон оставался пустым.

Вкус лимона был кислым. Кофе — горьким. Это означало, что язык работал, но не объясняло ничего больше. Марк отметил этот факт, не торопясь превращать его в диагноз или вывод.

На листе бумаги он нарисовал прямоугольник района. Обвёл свой дом, булочную и ближайшую остановку. Рядом поставил часы. Затем добавил адрес Аллы Сергеевны и место, откуда написал мужчина с пакетиком хлеба.

Ему хотелось сказать себе, что он просто проверяет гипотезу. На деле он уже искал закономерность. Это было его ремеслом, и ремесло помогало не замечать, насколько странной становилась ситуация.

Марк принёс из прихожей старый шарф. Тот пахнул ему в память дымом, холодным воздухом и шерстью. Когда-то отец носил его в мастерскую, где чинил часы и держал в жестяной банке леденцы с мятой. Марк долго не мог вынести этот запах после похорон, а потом перестал замечать, что шарф вообще пахнет. Сейчас он чувствовал только ткань под пальцами и собственную память.

Он положил шарф на край стола. В блокноте появились новые строки:

«Наблюдение не равно объяснению».

«Жители могут не замечать перемену, пока не попробуют что-то привычное».

«Первое сообщение: 6:42. Район: центр».

Последняя запись заставила его замереть. Его собственная первая отметка совпадала с первой опубликованной жалобой, которую он нашёл. Совпадение могло быть случайным. Утро начиналось у всех примерно в одно время. Но сообщение из другого квартала появилось в шесть сорок шесть. Ещё одно — в шесть пятьдесят три. Потом наступил промежуток, а к семи десяти жалобы пошли снова, уже ближе к реке.

Марк провёл карандашом между точками. Получилась не карта исчезновения, а пока лишь карта наблюдений. Он напомнил себе не перепрыгивать через ступени. Сначала фиксировать, потом сравнивать, и только после этого решать, что означает увиденное.

За окном город продолжал жить. Автобус открывал двери, люди входили и выходили. Продавщица у киоска расставляла тюльпаны. У булочной очередь двигалась к кассе. Никто не кричал, никто не перекрывал улицу, никто не объявлял чрезвычайное положение. И всё же люди время от времени поднимали голову, принюхивались, оглядывались, словно искали в воздухе невидимую вещь.

Марк подумал о том, как легко не замечать привычное. Запах кофе исчез — и сразу обнаружилось, что он означал для него начало работы. Исчез запах хлеба — и вместе с ним пропало простое желание остановиться у витрины. Мусор перестал быть отвратительным — и двор на миг показался чище, чем был на самом деле. Не мир изменился полностью. Изменилось то, через что люди привыкли его узнавать.

Он не знал, почему это произошло. Не знал, связано ли одно исчезновение с другим. Но знал, что, если позволит тревоге назвать случившееся раньше фактов, расследование начнётся с ошибки.

Марк разложил на столе карту, блокнот и распечатанные сообщения. Написал вверху листа: «Запахи. Время. Место. Свидетель». Потом добавил пятый пункт: «Что человек ожидал почувствовать».

В девять без двух минут зазвонил телефон.

Номер был незнакомый. Марк ответил не сразу, дав звонку пройти два гудка.

— Ветров слушает.

На другом конце повисла короткая пауза. Затем женщина заговорила быстро, но каждое слово произносила отчётливо:

— Мне сказали, вы берётесь за странные дела.

— Смотря что вы называете странным.

— В моём доме пропал запах. Не один. Все. Но это не главное. Главное, что соседка уверена: вчера он ещё был, а сегодня никто не может доказать, что он вообще существовал.

Марк посмотрел на карту. Первая точка лежала в центре, остальные начинали выстраиваться вокруг неё.

— Назовите адрес, — сказал он.

Женщина назвала улицу и номер дома, а потом добавила:

— И ещё. Пожалуйста, не записывайте это как жалобу на здоровье. Я уже звонила в поликлинику.

Марк взял ручку.

— Я запишу это как факт, который нужно проверить.

Он услышал, как женщина выдохнула. Впервые за утро этот звук показался ему важнее любого ответа. Затем она продиктовала время, когда всё началось, и попросила приехать сегодня.

Марк занёс адрес на карту. Новая точка легла за пределами уже отмеченных кварталов.

Он посмотрел на город за окном и понял: теперь у исчезновения было не только направление. У него появился свидетель.

Дело, которого не должно было быть

Марк припарковался у дома, который Елена Сафина назвала по телефону. На козырьке подъезда блестели капли после ночного дождя. Из открытого окна первого этажа тянуло жареным луком, со двора — мокрой листвой и бензином. Обычный городской набор, подумал он. Такие запахи не исчезают все разом. Просто мы редко замечаем, как быстро перестаём их замечать.

Елена ждала у подъезда. На вид ей было около сорока; короткие волосы, строгий плащ, в руке — плоская коробка из-под архивных карточек.

— Марк? Я Елена Сафина. Спасибо, что приехали.

— Вы сказали по телефону, что исчез запах.

— Не один. И не только у меня.

— Хорошо. Тогда начнём с вашего.

Елена посмотрела на него с выражением человека, который ожидал возражения и уже приготовил ответ.

— Вы не станете спрашивать, не простудилась ли я?

— Спрошу, если появится причина. Но сначала расскажите, что именно вы заметили.

В подъезде пахло влажной штукатуркой, старой краской и чем-то сладким, будто за дверью кто-то только что разрезал грушу. Елена остановилась на лестничной площадке.

— Вот это тоже было. Груша. Или яблоко. Не знаю. А вчера здесь пахло булочной.

— В подъезде есть булочная?

— Закрылась восемь лет назад.

— Тогда пока мы имеем запах, который вы описываете как грушу, и воспоминание о запахе булочной.

Она повернулась к нему.

— Вы всегда так разговариваете с клиентами?

— Когда клиент приносит мне явление без инструкции, я стараюсь не добавлять к нему лишнего.

Елена неожиданно улыбнулась.

— Ладно. Это справедливо.

Квартира была тесной, но аккуратной. На столе стояли две чашки, лежала раскрытая папка и лежал телефон с включённым диктофоном. В комнате пахло чаем, пылью и бумажной обложкой старой книги. Марк не стал сообщать Елене, чем пахнет её квартира. Он знал: одного его ощущения недостаточно, чтобы подтвердить или опровергнуть её рассказ.

— Я работаю в городском архиве, — сказала она. — Не с тайнами. С описями, адресными книгами, старыми планами. В последнее время ко мне приходят люди и спрашивают одно и то же: не сохранилось ли у нас сведений о закрытой булочной, старой прачечной, фабрике духов. Они уверены, что в городе чего-то не хватает. Поначалу я думала, что это просто ностальгия. Потом поняла, что они говорят о разных местах, но описывают похожее.

— Какое именно?

— Запах исчезает. А потом человек вдруг не может вспомнить, каким он был.

— Не может вспомнить или сомневается, что помнил его правильно?

Елена задержала на нём взгляд.

— Хороший вопрос. Разные люди отвечают по-разному.

— А полиция?

— В участке спросили, что именно пропало. Я ответила: запах. Потом спросили, есть ли ущерб. Я сказала, что у меня пропала часть привычного мира. Они предложили позвонить врачу.

— Это не самая нелепая рекомендация.

— Знаю. Поэтому я и не обиделась. Но они записали моё обращение как жалобу на здоровье, а я просила проверить несколько адресов.

Марк поставил на стол блокнот.

— Полиция не обязана начинать расследование, если не видит состава происшествия. Но отсутствие дела в их папке не доказывает, что вы всё придумали. Давайте отделим одно от другого. Когда вы заметили исчезновение впервые?

Елена подвинула к нему коробку.

Внутри лежали сложенные листки, старые фотографии и бумажная обёртка, потемневшая по краям. На обёртке синим карандашом было написано: «Вторник. 6:42. Корицей не пахнет. Булочная открыта».

— Это оставила мне Лидия Павловна Белова, — сказала Елена. — Она живёт на Кленовой улице. У булочной под её окнами много лет был запах корицы и горячего хлеба. В тот вторник она проснулась, открыла окно и ничего не почувствовала. Булочная работала. Люди выходили с пакетами.

— Она ведёт дневник запахов?

— Нет. Просто обёртка оказалась под рукой. Видимо, ей хотелось зафиксировать время, пока она не начала сама себя убеждать, что перепутала день.

Марк перевернул бумагу. На обороте виднелся бледный штамп пекарни.

— Вы сказали «запах исчез». Она написала «не пахнет». Это не совсем одно и то же.

— Я тоже так сказала. Она ответила: «Для вас разница есть, а для меня окно было открыто, хлеб пекли, а воздуха не было».

— А кто-нибудь ещё подтвердил?

— Её сосед снизу сказал, что запах был. Но он в тот день задержался дома и пил кофе с открытым окном. Она утверждает, что он путает запах булочной с кофе.

— Вот это уже полезная деталь.

— Вы считаете полезным, что свидетели спорят?

— Я считаю полезным всё, что мешает нам слишком быстро решить, будто мы уже знаем ответ.

На мгновение Елена перестала держать коробку обеими руками. Марк заметил, что она устала, но не собирался принимать усталость за доказательство ни в одну сторону.

— Вы говорите, что случаи повторяются, — продолжил он. — Что у вас есть помимо этой записи?

— Даты. Адреса. Имена. Я не хотела приходить с фразой «в городе что-то не так». Звучало бы глупо даже для меня.

— Для меня тоже. Я предпочитаю, когда глупость можно проверить.

Он развернул чистый лист и провёл несколько вертикальных линий.

— Место. Время. Что именно перестало пахнуть. Кто сообщил. И отдельная графа: что происходило рядом. Не предполагаемая причина, а то, что можно подтвердить.

— Я как раз принесла список.

Елена открыла папку. Марк перенёс данные в блокнот и уточнил, какие свидетельства были личными, а какие — со слов других. Там, где сведения не подтверждались, он ставил вопросительный знак, а не прочерк.

Первичная таблица выглядела так:

Место
Время
Исчезнувший запах
Источник сообщения

Возможная связь с городскими работами

Кленовая улица, дом 18
06:42
Корица и горячий хлеб
Лидия Белова, запись на обёртке; сосед не согласен
Очистка тротуара по программе «Чистый город», проверить

Литейная улица, дом 7
около 19:05
Сирень во дворе
Борис Климов, телефонный звонок
Чистка ливневого стока неподалёку, по словам жильцов

Садовая улица, дом 31
06:50
Мыло в лестничной клетке
Семья Гордеевых; супруги описывают утро по-разному
Работы у водостока, точное место неизвестно

Октябрьская улица, дом 4
06:38
Кофе из соседнего кафе
Елена Сафина и две посетительницы архива
Сведений пока нет

Марк постучал карандашом по строке о сирени.

— Вы сами там были?

— На следующий день.

— То есть запах вы не слышали?

— Я не могла бы сказать, исчез ли он. Я проверяла двор, спрашивала жильцов.

— Тогда строка должна звучать «сообщение о пропаже», а не «исчезнувший запах». Ваше наблюдение — это то, что Борис сообщил вам. Не то, что произошло во дворе.

Елена наклонилась над таблицей.

— Вы хотите, чтобы мы записывали даже формулировки отдельно?

— Особенно формулировки. Если мы смешаем рассказ свидетеля с собственным наблюдением, потом не поймём, где кончается одно и начинается другое.

— А если точность убьёт важную деталь?

— Тогда мы плохо собрали данные. Точность не должна выгонять детали. Она должна давать им место.

Елена посмотрела на бумажную обёртку, которую Марк отложил в стороне.

— Я поэтому и пришла к вам, — сказала она. — В архиве я привыкла, что мелочь может оказаться единственным, что переживёт чужое объяснение.

Он не ответил сразу. Возможно, он принял бы её слова за профессиональную привычку, если бы не заметил, как осторожно она придерживает пальцем край старой бумаги.

— Давайте проверим Кленовую, — сказал он. — Есть возможность поговорить с госпожой Беловой?

— Она дома. Я позвоню.

Через двадцать минут они стояли у окна квартиры на Кленовой. Лидия Павловна оказалась невысокой женщиной с седой косой и голосом, способным перекрыть даже шум хлебного фургона. Она сразу признала бумажную обёртку.

— Я не сказала, что булочная закрылась, — заявила она. — Я сказала, что не пахло.

— А вы уверены, что запах обычно доходил до окна? — спросил Марк.

— Я каждое утро открываю это окно. Там сорок лет булочная. Пока работала печь, пахло.

— В тот день вы что-нибудь ещё не почувствовали? Например, мыло, кофе, цветы?

— Не знаю. Я не ходила по городу с носом наперевес. Я заметила, что нет хлеба.

Мужчина у окна кашлянул.

— Был запах, — сказал он. — Слабый. Просто окно у Лидии Павловны выходило на другую сторону, если ветер повернул.

Лидия Павловна вскинула подбородок.

— Ветер не поворачивал. Я смотрела на флажок у булочной.

Марк записал оба ответа. Не «свидетели путаются», а именно: один видел флажок, другой помнил запах; направление ветра каждый оценивал по-своему. Он спросил у работницы пекарни, когда включили печь. Та назвала шесть утра. Спросил, замечала ли она необычный запах. Она пожала плечами: в помещении пахло тестом, а за дверью — дизельным выхлопом от грузовика. Ничего необычного.

— То есть печь работала, — произнесла Елена, когда они вышли на улицу, — но один человек не почувствовал хлеб, а трое его не заметили как исчезнувший.

— Да. Это не отменяет её записи.

— Но и не подтверждает общегородское исчезновение.

— Тоже верно.

Марк остановился у дорожного щита, наполовину заляпанного грязью. Внизу мелким шрифтом значилось: «Работы по санитарной очистке территории. Программа “Чистый город”. Исполнитель: муниципальная служба благоустройства». Дата была сегодняшняя, время начала — пять утра.

— Вы это видели? — спросил он.

Елена достала телефон.

— На Кленовой работы были два дня назад. Я сфотографировала объявление.

— Почему не внесли в таблицу как установленный факт?

— Потому что я не знала, совпало ли оно по времени.

— Теперь знаем, где смотреть.

В архиве муниципальных объявлений нашлась заявка на ночную очистку тротуара и промывку ливневого стока рядом с домом Лидии Павловны. Начало работ — 04:50. Завершение — 06:10. В утренней записи Белова отметила отсутствие запаха в 06:42.

Марк проверил остальные адреса. По Литейной городской диспетчер подтвердил чистку стока в тот же день с шестнадцати часов до половины седьмого вечера. Борис сообщил о пропаже сирени примерно в 19:05. На Садовой работала бригада программы «Чистый город»: прочищала водосток у соседнего дома с пяти до шести утра. По Октябрьской заявка пока не находилась.

— Вы понимаете, что это может быть просто связано с тем, что город постоянно убирают? — сказал Марк. — Работ много, улиц много. Если искать рядом с каждым событием хоть какую-нибудь работу, рано или поздно мы её найдём.

— Понимаю.

— И если применяли средство для очистки, оно могло перебить другие запахи.

— На улице — возможно. Но как оно перебило кофе в архиве? Кафе через стену, внутри здания.

— Я пока не знаю. И не предлагаю считать это доказательством.

— Тогда мы думаем одинаково.

— Нет. Вы хотите, чтобы совпадение что-то значило. Я хочу понять, значит ли оно что-нибудь.

— И это полезно, — сказала Елена. — Пока кто-нибудь не решит, что раз не доказано, значит, не существует.

Марк сложил распечатки в папку. Он не любил, когда от него требовали выбрать между двумя крайностями: поверить всему или ничего не замечать. В его работе опасны были оба решения. Первое превращало случайность в улику. Второе позволяло важной детали исчезнуть между строк.

— Сегодня у нас три точки, — сказал он. — В двух работы подтверждены по документам, в третьей — со слов жильцов. Все сообщения пришлись на часы сразу после уборки или промывки. Это не объясняет всё, но уже не просто сходство формулировок.

Елена не улыбнулась. Она смотрела на таблицу так, будто там могла проступить новая строка.

— У меня есть ещё одно сообщение, — сказала она. — Я не внесла его, потому что не знаю, кто написал. Записка была без подписи. Я нашла её в архивном читальном зале сегодня утром.

— Почему вы не показали её сразу?

— Потому что там только адрес и одна фраза. После всего, что я рассказала, она звучит слишком удобно.

— Покажите.

Елена достала из папки маленький листок в клетку. Почерк был неровный, но разборчивый:

«Сосновый переулок, 14. Утро. Больше не пахнет яблоками и корицей».

Марк прочитал адрес ещё раз.

Сосновый переулок, четырнадцать. Дом, где он вырос. Дом, к которому не возвращался после похорон матери. Он помнил кухонное окно, зимний свет на клеёнке и запах яблочной кожуры, который держался в прихожей дольше, чем аромат пирога.

— Вы знаете, кто оставил записку? — спросил он.

— Нет.

— Время?

— Нет. Только слово «утро».

— Тогда пока это не свидетельство, а направление для проверки.

— Я думала, вы скажете именно так.

Марк ещё раз посмотрел на таблицу. В трёх строках уже было общее: недавние работы по городской программе «Чистый город». В четвёртой не хватало сведений. Пятая вела к двери, которую он много лет обходил стороной.

Он закрыл блокнот.

— Начнём с того, что можно проверить, — сказал он.

На этот раз Елена не спросила, что именно он имел в виду.

Запах дома, которого детектив избегал

Марк не убрал блокнот в ящик. Положил его на пальто и какое-то время смотрел на закрытую обложку, словно адрес мог измениться, если дать ему немного времени.

— Вы поедете? — спросила Елена.

— Сначала проверю, кто живёт в квартире напротив. Потом спрошу, что они помнят о доме.

— Хороший план.

Она сказала это деловым тоном, без участия, которого он не просил. Марк был ей за это благодарен.

— Вы давно знаете этот адрес? — спросила Елена.

— Знаю.

— Я заметила.

Он поднял глаза.

— Что именно?

— Вы каждый раз выбираете маршрут вокруг старого квартала. Даже когда обход занимает больше времени.

— В городе полно улиц.

— Да. Но не всякую улицу вы вычёркиваете из маршрута.

Марк закрыл пальто. Ответить можно было что угодно: сослаться на движение, на парковки, на неудобный подъезд. Он уже собирался выбрать самое убедительное объяснение, но вдруг устал от необходимости придумывать его.

— Поехали, — сказал он.

В трамвае Елена не задавала вопросов. Марк смотрел на улицы, проплывавшие за стеклом. У станции пахло мокрой пылью и кофе из киоска. На перекрёстке — горячим асфальтом. У старого рынка — рыбой, которую выгружали из фургона в ящики со льдом. Он замечал запахи почти машинально, как отмечал бы номера машин или лица прохожих. Но по мере приближения к Сосновому переулку внимание его становилось узким и жёстким.

Дома он помнил лучше, чем хотел. Низкую арку во двор, чёрную дверь подъезда, жёлтые квадраты плитки на первом этаже. Помнил, что на третьей ступеньке справа была выбоина, а перила у поворота на второй этаж всегда оставляли на ладони холодный металлический след.

У подъезда он задержался.

— Если хотите, я поднимусь одна, — сказала Елена.

— Вы не знаете, что спрашивать.

— Могу спросить, что она помнит о работах.

— Это я и хотел выяснить.

— Тогда будем выяснять вместе.

В её голосе не было ни нажима, ни обещания, что разговор окажется лёгким. Марк кивнул и открыл дверь.

В подъезде пахло влажной шерстью, варёным луком и свежей краской. На первом этаже кто-то оставил у стены коробку с пустыми бутылками. Старый запах камня и пыли никуда не делся, но стал тоньше, словно здание давно перестало удерживать в себе чужие жизни.

На площадке третьего этажа Марк остановился перед дверью квартиры напротив той, где он вырос. Табличка с фамилией давно сменилась, зато рядом с дверным косяком всё ещё темнела царапина, которую он помнил с детства.

Елена нажала звонок.

За дверью послышались неторопливые шаги. Открыла невысокая женщина с седыми волосами, убранными под заколку.

— Марк? — сказала она и прищурилась. — Ну надо же.

— Здравствуйте, Тамара Ильинична.

— А я-то думала, кто так долго жмёт. Заходите. И вы, девушка, заходите.

В квартире пахло чаем, мылом и чем-то жареным. У окна стояли горшки с геранью. На столе лежала вязаная салфетка, а рядом — раскрытая газета и очки в тонкой оправе.

— Сколько же мы не виделись, — сказала Тамара Ильинична. — После похорон вы ещё приходили. Потом пропали.

Марк снял пальто.

— Да.

Он не стал объяснять, что слово «пропали» подходит ему лучше, чем хотелось бы.

— Вы знаете, кто оставил записку? — спросил он.

— Какую ещё записку?

Елена положила на край стола фотографию листка.

Тамара Ильинична прочла адрес, покачала головой.

— Не моя рука. И не почерк из нашего подъезда. Я бы, наверное, узнала.

— Вы видели здесь в последние дни людей из городской программы «Чистый город»? — спросил Марк. — Рабочих, техников, кого-нибудь с оборудованием?

— Видела. Позапрошлый четверг. Утром. Двое ходили с папками, потом ещё один поднялся на крышу. В жилетах с надписью.

— Они заходили в квартиры?

— Нет. Спрашивали, кто дома, и проверяли вентиляционные решётки в подъезде. Потом спускались в подвал. Сказали, что меняют кассеты и «убирают запахи общего пользования». Так и сказали. Я спросила, какие ещё запахи они собираются убирать. Они улыбнулись.

Марк достал блокнот.

— Вы помните, во сколько они пришли?

— Между восемью и девятью. Я как раз ставила чайник. Один из них оставил объявление у почтовых ящиков. Оно ещё висит, кажется.

— Вы заметили, изменилось ли что-нибудь после их работы?

Тамара Ильинична задумалась.

— В подъезде стало меньше тянуть хлебом от булочной.

— Какой булочной?

— На углу, в доме номер два. Она там столько лет, сколько я себя помню. По утрам открывают дверь, и весь переулок пахнет свежим хлебом. Вернее, пах. Теперь запах почти не доходит до нашего дома.

Она говорила без тревоги, скорее с досадой человека, у которого забрали привычный сигнал к началу дня.

— Вы уверены, что это произошло именно после работ?

— Нет. Я уверена, что рабочих видела в четверг. А запах перестала замечать уже потом. Может, они поменяли фильтр. Может, булочник сменил печь. Может, я просто привыкла. Не записывала же я, когда чем пахнет.

Марк отметил её слова почти дословно. Видела рабочих — факт. Перестала замечать запах — наблюдение. Связь между двумя событиями — пока предположение.

— А раньше, когда вы жили напротив, вы помните запахи из квартиры моей матери? — спросил он.

Вопрос прозвучал неожиданно даже для него самого. Тамара Ильинична взглянула на него внимательнее.

— Конечно. Яблочная кожура. Она часто чистила яблоки у окна. А когда пекла пирог, корица держалась в коридоре до самого вечера. Иногда она покупала тёплый хлеб и оставляла его под полотенцем на столе. Хлеб пах на весь этаж.

Марк опустил глаза к блокноту.

Он знал это. Не как факт из чужих слов, а как то, что хранилось внутри тела: тёплый хлеб, влажное полотенце, сладковатый запах яблочной кожуры в прихожей. И ещё другое — аптечный спирт, горький запах лекарств, который в последние месяцы поселился на кухне рядом с миской для фруктов.

Он попытался удержаться за настоящее. Плитка под ногами. Кружка с тонкой трещиной на столе. Тихое позвякивание ложки о блюдце. В своей работе он умел собирать свидетельства, не превращая их в вывод раньше времени. Но память не спрашивала разрешения на выводы. Она соединяла запахи с лицами, а лица — с тем, что он годами старался не вспоминать.

Марк открыл новую страницу и нарисовал пять колонок.

«Место». «Люди». «Ощущения». «Чувства». «Подтверждаемые факты».

Потом записал: «Кухня. Мама. Яблочная кожура, корица, лекарства, тёплый хлеб. Сейчас: тяжесть, стыд, раздражение».

Он задержал ручку над последней колонкой.

— Вы всё ещё ведёте записи обо всём? — спросила Тамара Ильинична.

— Обычно не о себе.

— Может, зря.

Елена не вмешивалась. Она сидела тихо, оставляя ему возможность продолжить или закрыть блокнот.

Марк вспомнил утро. Не дату — её он мог найти в календаре, если захочет. За окном был серый свет, на плите остывал чайник. Мать сидела за столом, возле чашки лежала упаковка таблеток. Она чистила яблоко, длинная полоска кожуры соскальзывала в миску. Откуда-то снизу тянуло хлебом.

Он помнил, как торопился. В одной руке держал портфель, другой застёгивал пальто. Мать спросила:

— Ты посидишь со мной, пока чай остынет?

Марк ответил:

— Я вернусь вечером.

Она сказала:

— Хорошо.

Он ушёл. Потом мать попала в больницу. Через несколько дней она уже почти не могла говорить.

Этот разговор он много лет пересказывал себе короче: я ушёл, она умерла. Между этими двумя фактами его воображение нарисовало стрелку, и никакая работа не сумела её стереть.

Он записал: «Я ушёл до чая». Затем добавил: «Она умерла через несколько дней». В графе «Не подтверждено» написал: «Если бы остался, мог бы всё изменить».

Рука его замерла.

— Это не факт, — сказала Елена.

Она не пыталась утешить. Просто назвала то, что он сам уже видел на странице.

— Нет, — ответил Марк. — Не факт.

— А что факт?

Он посмотрел на запись.

— Что я торопился. Что она попросила посидеть. Что я ответил, что вернусь вечером. И что потом я долго делал вид, будто не помню её голоса.

Тамара Ильинична поставила перед ним чашку. Чай был горячим, почти без запаха, с лёгкой горчинкой.

— Ваша мама любила, когда кто-нибудь оставался на кухне, — сказала она. — Даже если все молчали.

Марк поднял чашку, но не отпил.

— Я думал, если не возвращаться сюда, воспоминание станет тише.

— Стало? — спросила Елена.

Он посмотрел на раскрытый блокнот.

— Нет. Просто стало труднее отличить то, что было, от того, что я себе повторял.

Тамара Ильинична не стала отвечать за него. Она поднялась и направилась к шкафу в прихожей.

— Подождите. Вы же про работы спрашивали. Я объявление сохранила. Там числа были мелкие, а я тогда как раз собиралась звонить в управляющую компанию.

Она вернулась с сложенным листком. На нём значились дата, адрес и краткое описание: «Плановое обслуживание вентиляционных каналов. Замена кассет нейтрализации запахов. Исполнитель: “Вектор-Сервис”. Программа “Чистый город”». Внизу был указан номер заявки: ЧГ-14/В-6.

Марк сфотографировал листок.

— Вы не против, если я заберу копию?

— Забирайте. Только оригинал верните. Я его не для вас сохраняла, а для собственного спокойствия. Я люблю знать, кто ходит по моей крыше.

— Справедливо. После работ кто-нибудь объяснил, что именно меняли?

— Нет. Один сказал, что теперь в подъезде будет чище. Я спросила, чище чего. Он ответил: воздуха. Я не стала спорить. В тот день у меня разболелась голова.

Марк отметил это отдельно, не связывая одно с другим. Рабочие были в доме в четверг утром; в объявлении значилась замена вентиляционных кассет; соседка позже перестала замечать запах булочной; причиной могло быть несколько разных вещей. Никакого подтверждения, что городская программа изменила запахи улицы, пока не было.

— Тамара Ильинична, булочная на углу сейчас работает? — спросила Елена.

— Работает. Я вчера заходила за батоном. Они там теперь всё заворачивают в бумагу, как положено. Только запаха у двери почти не слышно.

Марк посмотрел на адрес в объявлении, затем на блокнот. Сосновый переулок, четырнадцать. Дом, куда он не возвращался. И всего через два дома — булочная, запах которой остался в его памяти рядом с голосом матери.

— Вы помните, когда впервые заметили, что хлебом больше не пахнет? — спросил он.

— На следующий день после работ или через день. Точно не скажу. Но могу спросить у соседки с первого этажа. Она каждое утро выгуливает собаку и замечает даже то, что я пропускаю.

— Не нужно угадывать, — сказал Марк. — Если она помнит — запишем её словами. Если нет — так и оставим.

Тамара Ильинична одобрительно кивнула.

Когда они спустились, Марк задержался у почтовых ящиков. На стене ещё оставался прямоугольник более светлой краски — там, где висело объявление. В вентиляционной решётке над дверью блестел новый винт. Он сфотографировал его и записал, на каком этаже находится решётка. Не улика сама по себе. Только предмет, который можно будет сопоставить с другими.

На улице ветер принёс запах хлеба — слабый, едва различимый, но настоящий. Марк не стал решать, каким он должен быть. Просто отметил: дверь булочной открыта, воздух тянет к переулку, запах почти не чувствуется у дома номер четырнадцать.

Елена шла рядом и не спрашивала, стало ли ему легче.

— Я не обещаю, что завтра снова приду сюда, — сказал он.

— Я и не прошу обещаний.

— Но, похоже, придётся.

— Если это понадобится расследованию.

Он посмотрел на неё. Елена не сказала, что возвращение поможет ему, и не предложила считать разговор завершённым. Она просто напомнила о деле — и оставила личное личным.

В бюро Марк положил копию объявления рядом с рабочей картой. На ней уже стояли адреса, где жители сообщали об исчезновении привычных запахов. Он добавил две новые отметки: дом номер четырнадцать и булочная на углу. Между ними провёл короткую линию, а рядом вписал дату работ и номер заявки «Чистого города».

На карте две точки оказались почти рядом. На листке Тамары Ильиничны запахи значились одной строкой: «нейтрализация». В памяти Марка они разделялись на яблочную кожуру, горячий хлеб, корицу и лекарства.

Он прикрепил объявление к карте и оставил рядом пустое место для свидетельств, которые ещё предстояло собрать.

Карта исчезающих ароматов

На следующее утро Марк пришёл в бюро раньше обычного и разложил на столе всё, что успел собрать. Копия объявления, записи Тамары Ильиничны, распечатка городских заявок, его собственная схема с двумя точками. Бумаги заняли почти всю столешницу, но не прибавили ясности. Каждый лист говорил что-то своё. Вместе они пока только спорили.

Он посмотрел на дом номер четырнадцать и булочную на углу. Две точки. Две исчезнувшие привычки. Между ними — короткая линия, которую он провёл накануне. Линия выглядела уверенно. Слишком уверенно для того, что означала.

В дверь постучали, и вошла Елена, прижимая к боку большой свёрнутый план.

— Нашла карту старых вентиляционных шахт, — сказала она. — В архиве коммунальной службы. И ещё график работ «Чистого города». Правда, в графике есть одна ловушка.

— Какая?

— Он красивый.

Она развернула план на столе. Городская карта оказалась такой большой, что краями накрыла объявления и половину чашки Марка. Улицы тонко пересекали бумагу, река блестела бледно-голубой полосой, а за железнодорожными путями начинались кварталы, которые Марк знал только по названиям остановок.

Елена достала цветные наклейки.

— Если мы начнём ставить точки просто так, через час будем видеть то, что хотим увидеть, — сказала она. — Давай сразу договоримся, что означает каждый цвет.

Красные кружки они отвели для случаев, которые удалось проверить: Марк или Елена сами побывали по адресу, поговорили с очевидцами или получили независимые подтверждения. Жёлтые означали сообщения, которые ещё никто не проверил. Синие квадраты — муниципальные работы. Зелёные круги — старые вентиляционные шахты, перенесённые с архивной схемы. Серой штриховкой они отмечали места, о которых не было сведений.

— Красный не значит «объяснённый», — уточнил Марк, приклеивая первый кружок.

— Только «проверенный», — кивнула Елена. — А серый не значит «ничего не случилось». Только «мы ничего не знаем».

Эту разницу они проговорили вслух, а потом принялись отмечать адреса.

Сначала карта напоминала стол с рассыпанными бусинами. Жёлтые кружки лежали у вокзала, на окраине возле складов, в двух жилых дворах и на набережной. Красных было меньше. Один — у дома Тамары Ильиничны. Второй — на углу у булочной. Третий — в переулке, где Марк с Еленой накануне нашли женщину, утверждавшую, что перестала чувствовать запах кофе.

— Похоже на отдельные случаи, — сказала Елена.

Марк хотел ответить, что так и думал, но удержался. Отдельные случаи — это тоже версия. Он взял карандаш и написал на полях: «Пока не видно связи».

Дальше на карту легли синие квадраты. Одни обозначали замену фильтров в муниципальных зданиях, другие — мойку подземных переходов, третьи — обслуживание технических камер. В распечатке «Чистого города» несколько раз встречалось слово «нейтрализация». Оно то появлялось в графе работ, то пряталось в примечаниях мелким шрифтом.

Елена отметила зелёными кругами вентиляционные шахты. Некоторые были совсем старыми, ещё с довоенных чертежей. Другие относились к системам, построенным вокруг тоннелей и подземных коммуникаций. Несколько зелёных точек совпали с синими квадратами.

А затем Марк заметил, что красные отметки тоже начали сближаться.

— Смотри, — сказал он. — Если не считать вокзал и набережную, остальные складываются в дугу.

Елена наклонилась над картой. Дуга шла от старого трамвайного депо к кварталу мастерских, потом огибала рынок и тянулась к жилым домам. Зеленые кружки вентиляционных шахт стояли почти вдоль неё. Рядом попадались синие квадраты муниципальных объектов.

На несколько секунд они оба замолчали. Город, который ещё вчера выглядел набором несвязанных адресов, будто приподнял край занавеса.

— Значит, шахты, — сказал Марк.

— Может быть.

— Они идут почти по линии.

— И работы идут почти по линии, — добавила Елена. — Но это не одно и то же, что причина.

Марк взял прозрачную кальку и положил поверх карты, чтобы не испортить основу. На ней он провёл пунктиром предполагаемое направление от муниципальной площадки на западе к рынку и дальше на восток.

— Если там распыляли состав, его могло разнести по району.

— Ветер?

— Или транспорт. Грузовики идут по одному маршруту, потом сворачивают к рынку.

Елена не возразила сразу. Она достала из папки лист с маршрутами городской техники. Синие квадраты на карте теперь получили новые соседние линии. Одна из них действительно проходила рядом с несколькими красными точками, словно кто-то обвёл их одним движением.

— Вот, — сказал Марк. — Уборочная машина проходит через депо, мастерские, рынок. Если на ней использовали нейтрализатор, совпадение становится понятным.

Это было убедительно. Настолько, что Марк уже представил, как коротко и ясно объяснит эту связь в отчёте. Машина, маршрут, состав, цепочка жалоб. Хорошая версия. Почти готовая.

Елена постучала ногтем по нижнему углу распечатки.

— А дата выполнения где?

Марк посмотрел на строки. Указан был маршрут, участок, плановое время и номер заявки. В графе фактического выезда стоял прочерк.

— То есть машина могла не пройти?

— Или пройти в другой день. Сначала проверим.

Они запросили журнал выездов и получили его через городскую диспетчерскую после двух звонков и одного долгого ожидания. Пока факс неспешно выплёвывал листы, Елена сверила даты первых сообщений. Марк тем временем нашёл в ведомости маршрут, который так хорошо совпал с картой.

Выезд состоялся шестого сентября, вскоре после двух часов ночи.

Первые проверенные жалобы в этом районе поступили третьего и четвёртого.

Марк перечитал даты ещё раз, будто надеялся, что цифры поменяются местами.

— Этот рейс не мог вызвать первые случаи, — сказал он.

— Не мог вызвать то, что уже произошло, — согласилась Елена. — Для более поздних жалоб он всё ещё может иметь значение. Но не объясняет всю дугу.

Марк перечеркнул линию на кальке не до конца, а одним коротким штрихом. Версия не исчезла, но перестала выглядеть ответом.

— Тогда проверим ветер, — сказал он.

На сайте метеостанции нашлись почасовые данные. На тот момент, когда Тамара Ильинична впервые заметила пустоту в запахе своего дома, ветер дул с востока и северо-востока. На схеме предполагаемое облако состава должно было двигаться с запада на восток, от муниципальной площадки к жилым домам.

— В тот вечер оно шло бы в противоположную сторону, — заметила Елена.

Марк добавил на кальку тонкую стрелку. Потом ещё одну — для следующего дня. Направления не совпадали между собой, а часть адресов оказывалась наветренной, хотя их объединяли с предполагаемым источником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.